

Г. Х. Самигулов

НЕКОТОРЫЕ САНИТАРНЫЕ НОРМЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ XVIII—XIX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА)

G. Kh. Samigulov

SOME SANITARY NORMS IN PROVINCIAL TOWN OF THE 18th — 19th CENTURIES (THROUGH THE EXAMPLE OF CHELYABINSK)

В статье рассматривается эволюция провинциального города с точки зрения выработки и соблюдения санитарных норм. Процесс прослежен на примере вынесения за пределы жилой территории кладбища и решения вопроса с уборкой мусора и размещения места для забоя скота и мясной торговли.

Ключевые слова: *город, санитарные нормы, кладбище, мусор, мясная торговля.*

Evolution of provincial town from the point of view of elaboration and observation of sanitary norms is considered in the article. The process through the example of withdrawal of cemetery from the residential area and the solution of the problem of garbage disposition and arrangement of the place for slaughtering and meat trade is traced.

Keywords: *town, sanitary norms, cemetery, garbage, meat trade.*

Прошлое далеко не всегда оказывается таким, каким мы себе его представляем. В ходе изучения истории иногда выявляются детали, события, которые «портят имидж» предков, сложившийся в наших головах. Вдруг оказывается, что жизни города XVIII в. были присущи элементы, которые вызывают у человека сегодняшнего недоумение. Но прошлое было таким, каким «получилось» и предпочтительнее все же, пытаться его лучше узнать и понять, а не недоумевать по поводу несоответствия поведения жителей XVIII—XIX в. нашим стереотипам. В рамках предлагаемой статьи будут рассмотрены несколько таких моментов, которые были характерны для Челябинска того времени. Какими бы разными не казались аспекты жизни города, о которых пойдет речь, их можно объединить в рамках обозначения «выполнение санитарных норм».

Одним из элементов, совершенно неуместным в центре города, с точки зрения современного человека, было кладбище, располагавшееся возле церкви Николая Чудотворца, а после ее переноса в Заречье — возле Христорождественского собора¹. В 1996 г., при устройстве пожарного водовода к зданию Челябинской областной картинной галереи в траншее, которая шла через площадь им. Ярославского (перед Театром оперы и балета) были обнаружены погребения. Всего в траншее водовода, в 1996 г., было расчищено более 100 погребений, в 2001 г., при установке памятника Глинке — еще 12. Обнаруженное кладбище располагалось практически в центре Челябинска XVIII в., около церкви Николая Чудотворца и построенного позже Христорождественского собора, рядом с Гостиным двором, т. е. корпусом торговых лавок, к которому оно примыкало с севера. Никаких архивных сведений об

этом кладбище до последнего времени выявлено не было. На плане города 1768 г. оно не указано в условных обозначениях — там вообще не указано кладбище, но оказана ограда, которой был обнесен значительный участок земли, вместе с церковью Николая Чудотворца и Христорождественским собором². В XIX — начале XX в. территория, на которой обнаружены погребения, приходилась на восточную часть площади, которую называли Торговой, или Соборной. На этой площади уже с начала XIX в. организуется ярмарочная торговля. На планах 1784 г. кладбище уже отмечено, и показано оно за пределами тогдашнего Челябинска, примерно в квартале современного магазина «Ритм»³, причем на одном из этих планов возле этой отметки имеется подпись «Старое кладбище»⁴. Это кладбище, показанное на плане 1784 г. известно, как Казанско-Богородицкое, просуществовало до 1930-х гг. Все это, вместе взятое, сформировало мнение, что погребения, выявленные на площади перед Театром оперы и балета, относятся к времени до 1736 г., то есть до постройки Челябинской крепости. Таким образом, обнаружение этого кладбища стало восприниматься как подтверждение существования на этом месте некоего русского поселения до основания крепости. Благо, эта точка зрения опирается на длинный шлейф публикаций, правда, при полном отсутствии документальных подтверждений, — останавливаться на этом не будем, уже есть подробный разбор этих версий⁵. Итак, попробуем разобраться ситуацию, и показать, почему существовало кладбище в центре Челябинска, когда оно было закрыто, когда появилось Казанско-Богородицкое кладбище к югу от города (в районе современного магазина «Ритм»).

В том, что кладбище находится в центре города, для современников не было ничего необычного, все вполне естественно — кладбище всегда организовывалось при церкви, если таковая имела. По этой же причине на планах населенных пунктов, до последней трети XVIII в. кладбища не обозначались (либо обозначались крайне редко) — любой человек, умеющий читать планы, понимал, что кладбище будет находиться рядом с церковью, на освященной земле. Именно поэтому на плане «Чилябы» 1768 г. кладбище не фигурирует, всем было понятно, что оградой, показанной вокруг участка, включающего здания Никольской церкви и Христорождественского собора, обнесены не только церкви, но и кладбище при них. Ряд погребений, исследованных в 1996 г. прорезал слой кирпичного боя и известки, который относится к периоду строительства Христорождественского собора (1748—1766 гг.), те же кирпичная крошка и известь содержались в заполнении некоторых могильных ям⁶. То есть, данные археологии подтверждают, что кладбище использовалось в период строительства собора, — о постройке других крупных кирпичных сооружений на этой территории (как и в целом в Челябинске) ничего не известно, руин подобных построек (кроме руин собора) не обнаружено. О крупном сооружении я говорю постольку, поскольку площадь участка, на котором зафиксирован слой строительного мусора (кирпичный бой и известь) составляет не менее полугектара.

31 декабря 1771 года на основании именного указа Екатерины II от 17 ноября 1771 года был издан указ Правительствующего Сената о запрещении хоронить на кладбищах при церквях, расположенных в населенных пунктах; 3 июля 1772 г. вышел указ Духовного Управления за № 842 того же содержания⁷. Впоследствии этот указ неоднократно дублировался, в том числе и на местном уровне, так, 9 ноября 1788 года Уфимское наместническое правление, со ссылкой на сенатский указ 1771 года указывало «...всем комендантам, городничим и нижним земским судам еще накрепко подтвердить, чтоб оныя об нехоронении умерших при церквях за силою вышеписаннаго Правительствующаго Сената Указа находящимся при церквях священникам зделали запрещение, но делали б для того в удобных местах особливия кладбища...»⁸. Таким образом, мы знаем, когда же было запрещено хоронить на кладбищах, расположенных в населенных пунктах, но нигде не было опубликовано информации о том, когда этот указ был выполнен в Челябинске. Этот вопрос естественным образом связан с вопросом о времени появления Казанско-Богородицкого кладбища. Дело в том, что многие довольно наивно прямо связывают время выхода указов и время их исполнения. Однако, уже из того факта, что указ дублировался еще в 1788 г., о чем говорилось выше, понятно, что все обстояло не так гладко.

До недавнего времени точной информации о времени создания Казанско-Богородицкого кладбища не имелось и выводы делались на основании «косвенных доказательств»⁹. Как выяснилось, близко к реальному ходу событий, хотя действительность оказалась, как обычно, интереснее... 24 мая 1777 г.

священники г. Челябинска обратились в Тобольскую духовную консисторию, «о построении на кладбище вновь деревяной во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея образа явления Казанския... о обложении и построении оной кладбищенской церкви, по желанию прихожан, прислать благословенную грамоту, для чего отправлен нарочный ими быть имеет, Вашего Преосвященства всенижайший раб священник Косма Калинов»¹⁰. Уже в июне епископ Сибирский и Тобольский Варлаам высылает благословенную грамоту на постройку кладбищенской церкви, но оговаривает, что обложить ее можно будет лишь в том случае, «ежели от вышедшей команды по отдаленности от города кладбище отведено, то на оном о строении церкви во имя Казанския Богородицы дать грамоту»¹¹. Челябинское духовное правление обращается в провинциальную канцелярию с просьбой отвести, наконец, место для нового кладбища, чтобы в свою очередь, определиться с местом постройки церкви¹². 13 октября 1777 г. провинциальная канцелярия известила духовное правление о том, что: «ко обложению означенной во имя Пресвятыя Богородицы Казанския церкви и к погребению мертвых тел место обществом здешняго города назначено на указаном от города расстоянии по левую сторону Оренбургской дороги»¹³. Оренбургская дорога того времени, это современная улица Цвиллинга. То есть место под кладбище отвели налево от дороги, если идти из города, на расстоянии 200 сажень от границы селитебной земли — это то самое место, на котором и существовало Казанско-Богородицкое кладбище.

Можно было бы считать, что с этого времени кладбище в центре города перестало действовать, а хоронили умерших теперь к югу от города. Но не так все просто. Запрос в Тобольскую консисторию был послан в свое время с священников Чебаркульской Преображенской церкви Космой Калитиным. Консистория, в простоте душевной, выдала благословенную грамоту на строительство церкви на его имя, то есть на Косму Калитина. 17 февраля 1778 г. заказчик Челябинского духовного правления протоиерей Филипп Галяховский послал эту грамоту обратно в духовную консисторию и потребовал, что выслали новую, на его имя. Эта грамота, за подписью епископа Тобольского и Сибирского Варлаама, была направлена Филиппу Галяховскому 30 апреля 1778 г.¹⁴.

Так что неизвестно еще, как бы развивалось дело с выносом кладбища за городскую черту Челябинска, согласно указа, если бы не намерение жителей и священно—церковнослужителей построить кладбищенскую церковь. Поскольку церковные власти разрешали обложить церковь только в том случае, если кладбище расположено на «узаконенном» расстоянии от города, духовное правление подтолкнуло провинциальные власти к скорейшему определению места нового некрополя. Есть еще один момент — прошение жителей Челябинска, направленное епископу Варлааму, ясно проговаривают, что церковь предполагается строить «деревяную», то есть деревянную¹⁵, а церковь в итоге поставили каменную, да еще и через 13 лет¹⁶. Возможно, в скором времени мы сможем объяснить и эту «нестыковку».

А надпись «Старое кладбище» на проектном плане 1784 г. возле кладбища, указанного южнее города¹⁷ была сделана, чтобы подчеркнуть, что это не проектируемый вынос, а уже свершившийся факт, то есть указ в Челябинске выполнен. Кстати, указ об организации кладбищ за пределами населенных пунктов, кроме прямого, очевидно имел еще одно следствие, довольно важное для современных исследователей — на планах городов стали показывать места расположения этих кладбищ. Вынесение мест погребения на определенное расстояние за границы селитебной земли входило также и в список рекомендаций к проектным планам городов, составленным в рамках губернской реформы¹⁸. Местные власти спешили показать, что указ выполняется и кладбище располагается там, где ему и положено быть — не ближе 100 сажен от города.

Одной из проблем крепости, затем города была чистота улиц. Если сейчас основной проблемой являются обертки, пластиковые бутылки, пакеты и окурки, то в те давние времена на улицах скапливался навоз. Особенно это касалось центра города, где располагался Гостиный двор и торговая площадь — народ приезжал на рынок на возах, запряженных лошадьми, которые оставляли зримые следы своего присутствия. Первые указы о соблюдении чистоты появились в первое десятилетие существования крепостей Исетской линии. В 1744 г. появилась наставление или инструкция комиссарам крепостей, видимо, составленная по итогам инспекции и исходя из «злости дня». Текст такой инструкции сохранился в материалах Миасской крепости. Инструкция предписывала: «чтоб никакие люди не ходили по сыпи и рву не обивали и навозу и всякого сору в городе и в остроге у стен а у ворот и во рвы никто не метал, также приказать чтоб на улицах никакого помета или мертвечины не было и для того каждому жителю против своего двора також де и в рядах и в рынках и в протчих местах иметь чистоту и сор чистить по вся субботы и возить в пристойные места в ямы и боярки (буераки — Г. С.) которые б от жила были в отдалении[куда подалье] и для того показать место, а в воду никакого помету бросать не велеть и около реки навоз не класть». Там же содержались и требования к организации мясной торговли: «мясные ряды были б не в жиле (не внутри жилой застройки — Г. С.), а паче в летние времена продавали б мяса и скотину били за городом и для того показать мясникам удобное место».¹⁹ Спустя 18 лет, прибыв к исправлению воеводской должности в Челябинск, подполковник И. Лазарев, похоже, был несколько ошеломлен царившей в городе простотой нравов. Текст документа красноречивее любых комментариев: «С крайним сожалением усмотрел я что в здешнем городе жители в содержании по должному порядку чистоты так ослабли что понудили меня тем строжие с собою поступить... Сим всем тем здешним жителям накрепко подтверждаю дабы в городе во всем доброе урядство и чистота была и для того отнюдь никому не дерзать по улицам помету и навозу бросать, а оное все за городу с версту отвозить и в удобных местах и в логах слагать и особливо в здешнюю реку ничего того не бросать. Сверх же того как в здешнем городе внутри жительства ка-

заки отваживаются уголь жечь то как себе и всему здешнему обществу от пожара опасность наводят и ямами те самые места где б надлежало тын строить повреждают... впредь ежели кто чинить дерзнет то те яко нарушитель здешняго благо состояния какого б звания он ни был без всякой пощады наказан быть имеет чего ради каждому месту по своей команде о сем накрепко под(т) вердить и ямы кем оные вырыты тот сам темиж людьми заровнял а ласково принудя и если в нетерпеливость и в строгость войтить ибо все сие служит не к моему удовольствию а в чистоту и порядок здешнего общества».²⁰ Остается лишь добавить, что указ датирован 17 апреля, очевидно, воевода узрел все «великолепие» накопившегося за зиму навоза, обнажившееся, когда стаял снег. Одно из мест, куда челябинцы в XVIII в., а возможно и в XIX в. тоже свозили навоз — берег реки Миасс в районе нового здания Областного краеведческого музея и Сада камней по ул. Труда. Этот участок берега был низким, скорее высокая пойма, чем береговая терраса, высокая часть берега начиналась возле здания бывшего Геологического музея со стороны реки. Естественно, жившие рядом с Миассом люди были не прочь расширить свои участки, что и было сделано с использованием самого дешевого, в прямом смысле слова «бросового» материала — навоза. Естественно, что «осушение» поймы происходило постепенно, на протяжении долгового времени. Скорее всего, необходимость очередного поднятия уровня суши возникла после крупных половодий, когда уже отвоёвана у воды территория вновь оказывалась залита водой и превращалась в болото. Для того, чтобы отсыпанные слои не размывало и не уносило рекой, берег был укреплен своеобразной опалубкой — по краю берега был установлен крепкий бревенчатый заплот. При раскопках на котловане строительства музея зафиксированы слои отсыпки общей мощностью до 2 м. В начале XIX в. была организована уборка мусора (в первую очередь навоза) с улиц, по крайней мере, сезонная.

Вообще, санитарные требования, которые постепенно вырабатывались в России к организации городского пространства, в Челябинске зачастую игнорировались с замечательной легкостью. Особенно это касалось выноса за пределы города «вредных производств» — кожевен, мыловарен, кузниц... Основная масса подобных заведений размещалась прямо во дворах челябинцев. Перемещение их за пределы города произошло лишь во второй половине XIX в. Однако, что касается размещения мясных лавок подальше от жилья, это условие в Челябинске было выполнено, правда по своему. Местные власти (а это не только ратуша, но и то самое провинциальное правление) нашли способ решить вопрос ко всеобщему удовлетворению. Лавки и бойня были поставлены действительно «не в жиле», а на острове (тогда, видимо, еще полуострове) р. Миасс, который в ту пору был не застроен. Когда они были там поставлены, сказать сложно, в 1766 г. уже существовали²¹. В 1773 г. всю часть острова к востоку от моста отдали под усадьбу купцу Ивану Боровинскому²². В 1779 г., во время половодья, бойню смыло и ее вместе с лавками перенесли на новое место: «...Иван Боровинской ...согласился пустить на

удобно отведенное ему место позади вновь строящегося ево двора идучи по дороге подле обнесенного заплотом огорода и поставил вник к старице в самую линию огорода выняв заплоты настолко места сколко всеми шестью лавками занять может»²³. Лавки эти показаны на плане Челябинска, датированном, примерно, 1819 г.²⁴. Впрочем, на плане 1784 г. они тоже показаны²⁵. Более полувека бойня и мясные лавки простояли на некотором удалении от жилых домов (если не считать усадьбу Боровинских), но... в самом центре города, у дороги, соединявшей ту часть Челябинска, которая именовалась «городом», с Заречьем.

Это лишь несколько штрихов к картине развития санитарных норм в Российской империи и эволюции их выполнения в провинциальном городе. Естественно, оригинальным и главным в данном случае является описание конкретных ситуаций с внедрением новых правил в быт и сознание горожан. Процесс этот был не простым и надо отметить, что инициатива правительства намного опережала уровень готовности населения к новациям.

Примечания

1. Самигулов Г. Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. тр. / под ред. Л. В. Татауровой. — Омск : Изд-во Омск. пед. ун-та. — 2002. — С. 133—136; Самигулов Г. Х. Заметки о Челябинске XVIII в. // Природное и культурное наследие Урала : мате-лы VI регион. науч.-практ. конф. / сост. Н. О. Иванова, Л. Н. Магазова. — Челябинск, 2008. — С. 63—80.

2. ОГАЧО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 346.

3. ЧОКМ. НВ. № 621.

4. РГВИА. Фонд ВУА. Д. 22797.

5. Приводить здесь весь список было бы хлопотно и заняло бы очень много места. Разбор этих гипотез дан в работах: Поздеев В. В. Исетские казаки (к вопросу о времени возникновения термина // Челябинск неизвест-

ный. — Челябинск : Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. — Вып. 1. — С. 177—184; Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. — Челябинск : ЮУрГУ, 2011. — С. 30—32, 52—53.

6. Самигулов Г. Х. Первое Челябинское кладбище... С. 136.

7. ПСЗ-I, Т. 19, С. 410, №. 13.729; ГАТот. Ф. 156. Оп. 19, д. 12.

8. ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 367.

9. Самигулов Г. Х. К истории планов планировки улиц и площадей Челябинска XVIII—XIX вв. // Челябинск неизвестный : краеведческий сборник. Вып. 4 / Центр ист.-культ. наследия г. Челябинска; [сост. и науч. ред. В. С. Боже] — Челябинск [б. и.], 2008. — С. 30—77; Самигулов Г. Х. Первое Челябинское кладбище... С. 133—136.

10. ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7а. Л. 19.

11. Там же, Л. 18.

12. Там же, Л. 21.

13. Там же, Л. 17.

14. ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 12а. Л. 71.

15. ОГАЧО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 7а. Л. 20.

16. Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. — Челябинск : Каменный пояс, 2001. — С. 930.

17. РГВИА, ВУА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 64514.

18. Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX веков / НИИ теории арх-ры и градостр-ва; под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. — М. : Стройиздат, 1995. — С. 108.

19. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. — Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2001. — С. 51—52.

20. ОГАЧО. Ф. И-6, Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

21. ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

22. ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 209. Л. 7—8 об.

23. ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

24. РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 843. Л. 1

25. ЧОКМ. НВ. № 621

Поступила в редакцию 10 февраля 2012 г.

САМИГУЛОВ Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, доцент, кафедре «Древняя история и этнология Евразии», Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: история города, локальная история, история Урала. E-mail: Gayas_@mail.ru

SAMIGULOV Gayas Khamitovich is a Candidate of Historical Science, an associate professor of the Department of Ancient History and Ethnology of Eurasia of South Ural State University. Research interests: history of a city, local history, history of the Urals. E-mail: Gayas_@mail.ru